

ДОРОГА НА ЕТЬ

САМУИЛ БАБИН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Самуил Бабин

Дорога на Еть

«Автор»

2019

Бабин С.

Дорога на Еть / С. Бабин — «Автор», 2019

Еть – заброшенная деревня, попасть в которую можно по лесной дороге, которая становится непроходимой после дождя. Главного героя спецслужбы высылают из страны за протесты. Он опаздывает на самолет и скрываясь от ареста среди бомжей, гастарбайтеров, добирается до этой глухой деревни. Здесь перед ним открывается таинственная история, о добываемых когда-то алмазах и про старинную, хорошую дорогу, следы которой давно затерялись. Он с местным трактористом пытается безрезультатно восстановить существующую дорогу и начинает поиски хорошей, старой. А весь мир, через правозащитников, узнает о нем как о борце с режимом. На Западе на него обрушиваются слава, деньги. Но главное для него теперь, найти и продолжить дорогу на Еть.

© Бабин С., 2019

© Автор, 2019

Самуил Бабин

Дорога на Еть

Сидор вышел из кабины лифта остановившейся на первом этаже. Подошел к входной двери и посмотрел на стену, на которой весели почтовые ящики, забитые до отказа рекламными объявлениями и буклетами. Сидор снимал квартиру в этом доме на окраине Квасквы и никому не оставлял свой адрес, но все-таки решил проверить, мог прийти счет на квартплату, и он открыл крышку под номером 328. На пол вывалилась кipa бумажных листовок. Сидор поднял их с пола, перебрал и бросил в бумажную коробку для мусора, стоявшую рядом. Потом достал из ящика оставшиеся бумажки и не найдя ничего серьезного сунул их обратно.

– Простите, это не вы обронили, – раздался сзади мужской голос. Сидор оглянулся. За спиной стоял высокий мужчина в солнцезащитных очках и протягивал ему какую-то квитанцию. Сидор взял бумажку из рук высокого и прочитал заголовок сверху: «Повестка», – Что это? – Сидор вопросительно взглянул на «высокого».

– Вы читайте, читайте, – махнул головой высокий. Сидор приблизил квитанции ближе и прочитал под «Повесткой» свою фамилию, имя, отчество написанные от руки. А еще ниже типографский текст говорящий, что вышеназванный гражданин вызывается на собеседование в районный отдел министерства безопасности.

– Ничего, не понимаю. Это, наверное, какая-то ошибка, – вслух подумал Сидор.

– Спасибо, – сказал он высокому, смял бумагу и бросил в ящик для мусора. – Разрешите, я пройду, – улыбнулся он «высокому».

– Нет, не разрешу, – и «высокий» развернул перед лицом Сидора красную книжечку с символами министерства безопасности. – Вам, придется проехать со мной. И поднимите, пожалуйста, бумажку, которую вы выбросили.

– И не подумая, – вызываяще ответил Сидор.

– Зря, – сказал высокий и, нагнувшись, взял смятый Сидором комоч бумаги. – Проехать со мной вам все равно придется. А вот без этой бумажки вас обратно могут не выпустить, – и «Высокий» распахнул перед Сидором подъездную дверь.

Сидор вышел на улицу. Напротив, подъезда стоял серебристый неприметный фордик и рядом, облокотившись на крышу фордика, человек в шляпе, жуя во рту спичку, лениво смотрел на Сидора.

– Прошу, – со спичкой во рту, открыл заднюю дверь машины и сделал приглашающий жест рукой.

– Садитесь, – сзади в спину подтолкнул Сидора Высокий, – Да не беспокойтесь, вы теперь под охраной министерства безопасности.

– Мне надо на работу, у меня там срочная встреча, – Сидор стоял не двигаясь.

– Если хотите, мы официально сообщим вашему руководству, причину вашего отсутствия, – миролюбиво ответил высокий.

– Нет, не надо, – буркнул Сидор и полез в машину. Второй, со спичкой во рту, сел за руль, а «Высокий» примостился на заднем сиденье, рядом с Сидором. – Это хорошо, что вы проявляете благоразумие. Вам зачтется, – улыбнулся Высокий, – трогай Митя, – и машина выехала со двора.

Его привезли к какому-то обшарпанному трехэтажному зданию, на другом конце Квасквы, с железными решетками на окнах, без каких-либо вывесок названия улицы или номера дома.

– Это, что тюрьма? – испуганно спросил Сидор.

– Ну, что вы. Это районное отделение министерства безопасности. Впрочем, согласен вид не очень, – извиняющееся ответил «Высокий», открывая перед Сидором, большую, потрескавшуюся филенчатую дверь. Внутри вид тоже не вызывал радостных чувств. Стены, покрашенные от потолка до пола масляной светло-зеленой краской. Обтертый линолеум на полу и маленькие двери, оббитые коричневым дерматином с еле видными номерками цифр посередине.

– Нам в пятнадцатую, это на втором этаже, – указал «Высокий» на лестницу с необлицованными цементными ступенями. Они поднялись на второй, прошли по длинному коридору и остановились у двери с цифрой «5».

– Вам сюда, – Высокий взялся, за ручку, – Единицу уже третий год никак не прикрутят. Желаю удачи, – и он потянул на себя дверь. – Заходите, же, – он, втолкнув Сидора вовнутрь, и бесшумно захлопнул дверь. Это оказалась небольшого размера комната. Со старым облезшим лакированным столом, за которым сидел немного полноватый мужчина в коричневом пиджаке и почему-то синем галстуке. Мужчина, что-то писал и продолжал, не отрываясь писать, даже когда вошел Сидор. На столе стоял работающий вентилятор, направленный почему-то на окно, завешенное жалюзи, которые раскачивались от потока воздуха и стучались об стекло. У противоположной от окна стены стоял небольшой, журнальный столик, заставленный чайными чашками, чайником и еще какой-то столовой посудой. Там же стоял коричневого цвета цветочный горшок, с торчащим из него мясистым зеленым стеблем. На стене, над столиком, в коричневой деревянной раме висел портрет Дзержинского, в фуражке со сломанным козырьком, пристально смотрящим на стебель цветка вниз.

Ой, простите, – человек за столом, перестал писать и посмотрел на Сидора. Вы уже пришли? Это хорошо, что так быстро. Присаживайтесь, – и он указал на хлипкий венский стул стоящий посередине комнаты.

– Я постою, у меня мало времени – безразлично ответил Сидор.

– Это, да. Времени у вас совсем немного остается. И, тем не менее, лучше об этом поговорить, сидя, в более раскрепощенной обстановке, – коричневый выскочил из-за стола, оббежал его, придвинул ближе стул и указывая на него, произнес: «Прошу вас, не стоит упираться. Поверьте, я желаю вам, только добра». – И он, улыбаясь всем лицом, посмотрел на Сидора. Сидор, постояв немного, подошел и сел на стул.

– Отлично, – обрадовано воскликнул «коричневый» и быстро вернулся на свое место.

– Следователь Соколов. Веду ваше дело, – представился коричневый, ласково разглядывая Сидора.

– Какое еще дело, – не понял Сидор.

– А вы разве не в курсе, – в ответ удивился Соколов.

– Первый раз слышу, – ответил Сидор, забыв про свою раздраженность.

– Э-хе-хе. Вот так всегда у нас, возьмут человека, приведут и ничего не объяснят. Когда мы научимся уважать людей. Даже если они и виноваты в чем-то, – с сожалением закончил Соколов, нагнулся под стол, достал оттуда толстую папку, и бросил перед собой, – Вот ваше дело. Сидор Сидоров, это вы, правильно?

– Я не понимаю, о чем вы, – сглотнув слюну, произнес Сидор.

– Я вам, сейчас, все расскажу. Вы не беспокойтесь, – и он, потянув за завязки, раскрыл папку и стал доставать оттуда другие, меньшей толщины папки – скоросшиватели.

– Вот, здесь материалы в том числе фото, на которых вы не подчиняетесь полицейским во время митинга, с требованиями отмены выборов, – Соколов отложив папку в сторону, достал, другую, – А это уже на майском митинге, вы с самодельным плакатом – «Свободу политзаключенным» сначала размахиваете им перед лицом полицейских, а потом отказываетесь пройти с ними в автозак. И вас приходится тащить туда силой. А вот совсем недавний ваш протест, где

вы стоите у входа в метро с нецензурным обвинением в адрес правительства. В общем, здесь много такого похожего, что накопилось на вас, за последние три года. Что теперь скажите?

– Да, ничего. Это все мирные акции протеста. Да таких как я много сейчас. Это законом, в конце концов, разрешено.

– Каким законом? Что-то я не припоминаю. Может, упустил чего, с работой этой? – искренне удивился Соколов.

– О свободе, митингов и демонстраций хотя бы, – развел руками Сидор.

– Ах, вы об этом. Нет, это конечно никто вам не запрещает. Свобода, это святое. Но вот нарушать общественный порядок, оказывать сопротивление полиции, нецензурно выражаться и наконец, призывать к насильственному свержению существующей власти. Это уже уголовная ответственность. От трех, до пяти лет, – и следователь приподнял толстую папку, как бы прикидывая, насколько она потянет.

– Я не призывал никого к свержению, это бред какой-то, – возмущенно выпалил Сидор.

– Не призывали? – искренне удивился Соколов.

– Нет, – твердо ответил Сидор.

– Вы, наверное, забыли. Понимаю. Человек молодой еще, увлекающийся, мог сказать в компании, не подумав и забыть. А вот мы такого никогда не пропускаем. Такая работа. Вот, пожалуйста, – и он достал совсем тоненькую папочку, – Здесь несколько свидетельских показаний и даже диктофонная запись имеется и Соколов раскрыв папочку, протянул ее через стол Сидору.

Сидор, взял папку и быстро листая, стал просматривать материалы.

– Это провокация. Может я что-то такое и говорил. Но это среди друзей по пьяни может. Или в виде анекдота, – возмущенно воскликнул Сидор, продолжая листать бумаги.

– Правильно. Так и было. По пьяни, среди друзей. Кстати, от одного из них мы и получили эти сведения, – уже серьезно отреагировал Соколов, забирая папочку

– Сволочь! Кто это? Покажите почерк. Я узнаю, я его... – Сидор с силой кулаком ударил по столу.

– Не советую. Этот человек, проходит уже как свидетель и находится под защитой государства, – Соколов захлопнул папочку.

– Все это ерунда. Глупость. За это не сажают сейчас. Не 37-й год, – усмехнулся Сидор.

– Согласен. Не 37-й. Но вот посадить, как вы изволили выразиться, за это и сейчас возможно. Понимаете? – Снова добрые глаза Соколова уставились на Сидора.

– Не понимаю. Вы на, что намекаете? – с вызовом произнес Сидор.

– Хорошо, поговорим начистоту. – Соколов, сложил все тоненькие папочки, в общую толстую и убрал ее обратно под стол. К сожалению, сейчас в стране появились люди, недовольные, в силу каких-то личностных качеств существующими порядками. И среди этих люди, стали выделяться активисты, разжигающие эти недовольства.

– Я не разжигаю, я не активист, я просто не доволен, вот и все, – как бы оправдываясь перебил Соколова Сидор.

– Мы знаем, что вы не такой. Поэтому и было принято решение, там, – Соколов указал пальцем на потолок, – Что всех активистов изолировать, а таких как вы, просто недовольных и открыто это высказывающих, выслать из страны. Кстати, вам, насколько нам известно, нравятся там всякие европейские, демократические порядки. Не правда, ли?

– Очень даже нравятся. И что в это плохого?

– Не знаю, насчет плохого. Но и хорошего тоже ничего не нахожу. Баловство это. Вот поэтому мы вам и предлагаем, – и Соколов опять нагнулся под стол, достал оттуда листок и положил перед Сидором.

– Что это? – не взглянув даже на листок, спросил Сидор.

– Постановление о высылке вас из страны, в течении 24-х часов. Время отчета пошло, с утра, с момента предъявления вам повестки, – взгляд Соколова сделался холодным, губы сжались и втянулись.

– Пойдите. А куда я поеду? И что я там буду делать? Кому я там нужен, – развел руками Сидор.

– Не знаю, кому вы там нужны. Но раз вам там нравится, вот там и живите. Выбор у вас небольшой, или там как хотите, или здесь, но уже где мы это решим. Вот билет на самолет туда. Вылет завтра в одиннадцать утра. Обратного вас уже не пустят. У вас есть время собраться. Попрощаться. Кстати у вас же близких здесь никого нет? С женой вы в разводе. Отец живет в другом городе и по политическим мотивам с вами вообще не общается. Живете вы на съемной квартире. Никакой малой собственности не имеете. С работы вас уже уволили. Мы им естественно уже сообщили. Так, что подписывайте о том, что вы уведомлены и согласны покинуть страну за 24 часа и в путь. Там, где вас ждут справедливые законы.

– Мне надо подумать, – взяв билет на самолет и нервно его, теребя, тихо ответил Сидор.

– Думайте, конечно. Пять минут вам надеюсь, хватит? – опять став добрым, вздохнул Соколов.

– А если я откажусь? – посмотрел на него исподлобья Сидор.

– Я же уже говорил, тюрьма. От трех до восьми. – Соколов оперся лицом на сжатые кулаки.

– Вы же говорили, до пяти? – как бы торгуясь, переспросил Сидор.

– Для вас, это не большая разница, – Соколов встал из-за стола. Подошел к журнальному столику. Взял заварной чайник и стал из него поливать зеленый стебель растения, торчащего из горшка. В комнате нависла напряженная тишина и даже жалюзи перестали биться об стекло.

– Я согласен, – глухо ответил Сидор.

– И это правильное решение. Поверьте, вы лично мне даже чем-то симпатичны. Вы же добрый, я вижу, только запутались. А туда уедете и сразу все забудете. И мы вас тоже, – Соколов подошел сзади к Сидору и положил ему руку на плечо. – Подписывайте, вон ручка справа лежит.

Сидор, медленно потянулся за ручкой. Потом взял постановление о высылке.

– В самом низу, справа подпишите, – Соколов своей рукой отвел руку Сидора с авторучкой в нужное место. Сидор разборчиво поставил свою подпись.

– Вот и хорошо, вот и умничка, – Соколов выхватил бумагу, свернул ее и спрятал в карман. – Билет можешь забрать. Завтра в полдень вылет. Слушай, а давай-ка мы это отметим.

– Что отметим? – Сидор поднял глаза на Соколова.

– Твое освобождение. Давай, вставай, пошли. У меня там коньячку немного осталось. – И он потянул Сидора за собой к журнальному столику. Достал из шкафчика внизу, распечатанную бутылку, и два граненых стакана. Плеснул в них понемногу и протянул один Сидору. Сидор взял стакан. Соколов придвинул свой, чокнулся и замер в ожидании.

– Знаешь, что парень. Мне ведь тоже многое здесь не нравится. Может вы в чем-то и правы, что выступаете. Но не сразу все наступит, как хочется. Понимаешь? Будь здоров, – и он сделал глоток, – Давай, давай. Выпей. Успокойся. – Сидор поднес стакан и выпил одним глотком. В это время зажужжал принтер, стоящий на столе Соколова и оттуда вылетела на стол бумажка.

– О! Отлично. Уже напечатали. Хорошо сейчас техника работает, – Соколов подошел к столу, взял вылетевшую из принтера бумажку. Вернулся, протягивая ее Сидору.

– Вот, взгляни. Хорошо получилось, правда?

Сидор взял листок. Это было цветное фото, где он стоял, чокаясь стаканом с Соколовым, на фоне фотографии Дзержинского смотрящего на цветок в горшке.

– Что это значит? – Сидор протянул обратно листок Соколову.

– Не надо. Можешь оставить себе. У нас в архивы тоже теперь есть эти фото.

– Зачем?

– Если ты вдруг захочешь рассказать кому-то про нашу сегодняшнюю встречу. То на следующий день, эта твоя фотография, с заголовком типа «нештатный агент МГБ Сидор Сидоров, отмечает день рождения Дзержинского в кругу сослуживцев». И твоя предательская суть будет раскрыта всем.

– Какие же вы мерзавцы, – Сидор бросил стакан на пол.

–Зря ты так. Мы нормальные, просто работа такая. Во всем надо подстраховаться.

В это время дверь распахнулась, и быстро вошел «высокий»: «Что-то случилось?» – спросил он, засовывая руку во внутренний карман пиджака.

– Все нормально. Можете отвести его обратно, – и Соколов, пошел поднимать брошенный Сидором стакан.

– Пошли, пошли парень, – Высокий взял Сидора за локоть.

– И это, – распрямился Соколов. – Ты, не вздумай завтра не улететь. Пройдет 24-часа. Мы объявим розыск, и еще года три тебе добавят сверху. Понял?

– Я завтра уеду от вас. Не беспокойтесь – сказал Сидор и пошел на выход.

– Ну, вот еще одного обезвредили. Давай Петр, отвози этого и езжай за следующим. Может к концу месяца, и выполним план.

– Если бы все такие были сговорчивые, ответил «высокий», выходя и закрывая за собой дверь.

На выходе из здания Сидора остановил дежурный в форме, сидевший на маленьком стульчике в углу, под дверью: «Повестку предъявите», – сказал он, вытянув вперед ногу в начищенном до блеска хромовом сапоге.

– Какую повестку? – не понял Сидор.

– Вот, вот его повестка, – подошедший сзади «высокий» протягивая дежурному листок повестки, – Я же тебе говорил, у нас бумаги никакие нельзя выбрасывать, – сказал он Сидору и подтолкнул его к выходу.

– Поздравляю, – продолжил «высокий», уже на крыльце, закуривая сигарету.

– С чем? – Сидор посмотрел на небо и глубоко вздохнул.

– С тем, что у тебя все закончилось, – выпуская дым «высокий» тоже посмотрел вверх.

– Похоже, только начинается, – задумчиво вздохнул Сидор.

– Ничего. Привыкнешь. Первое время, конечно трудно будет, но по любому там лучше, чем здесь, – с чувством продолжил «высокий».

– А ты, чего сам туда не едешь? – огрызнулся Сидор.

– А кто меня туда пустит с такой биографией? Я же из органов, – вздохнул «высокий».

– И не противно тебе здесь работать, – Сидор внимательно посмотрел на «высокого».

– А чего, работа, как работа. И у нас здесь тоже нормальных много, кто все понимает. Зря ты так думаешь. Это же не мы вас достаем. Нам приказывают, мы выполняем. Можно подумать у вас начальство лучше?

– Да не лучше, – согласился Сидор, вспомнив о недавно назначенным к ним нового, хамоватого начальника департамента.

– Я вот решил, до майора дослужусь и сразу на пенсию. У нас здесь, как только подполковниками становятся, сразу с головой у людей что-то происходит. Везде им агенты влияния, провокаторы мерещатся. Один полковник с третьего этажа, – «высокий» махнул вверх рукой, – у того вообще мания на цареубийц. Уже трех задержали.

– Так у нас же царей нет? – воскликнул Сидор.

– Царей нет, а цареубийцы есть. Ладно, это я тебе лишнее рассказал. Забудь. Послушай, а ты парень вроде нормальный. Мне тебя обратно приказано отвести. А потом за следующим ехать. Опять после десяти домой вернусь. Жена уже неделю не разговаривает. Может, ты сам доберешься, а? А я сразу за вторым поеду.

– Да, конечно. Не надо меня отвозить. Никакого удовольствия с вами ездить, если честно, – ответил Сидор.

– Вот, спасибо. Меня, вообще-то Петр, зовут, – «высокий» достал из кармана визитку и протянул Сидору. – Возьми, на всякий случай.

Сидор взял визитку и прочитал: «старший агроном Селиванов Петр, телефон.» – Агроном значит? – усмехнулся он.

– Старший, однако, – улыбаясь, поднял указательный палец вверх Петр. В это время из-за угла выскочил серебристый фордик и остановился перед ними. Петр, открыл заднюю дверь, – Давай садись, до метро подвезем. Сидор залез в машину, рядом плюхнулся Петр.

– Давай Митя, до ближайшего метро, там высадим парня, – хлопнул Петр по плечу водителя.

– Освободился, значит. Поздравляю, – обернулся к ним в пол-оборота все тот же утренний водителя в шляпе со спичкой во рту.

– Какие вы все добрые здесь оказывается, блять, – развел руками Сидор.

– Зря иронизируешь, Сидор. Мы действительно тебе только хорошего желаем. Ну, поехали. – Водитель, сплюнул спичку на пол, отвернулся и машина резко рванула с места. Через десять минут, они остановились у входа в метро.

– Спасибо добрые люди, – бросил Сидор, вылезая из машины.

– Ты, это, ты только не убегай, ладно. А то мне выговор и не дослужусь, до майора, – высунулась голова Петра через заднее стекло фордика.

– Дослужишься. Не останусь я здесь с вами. Не переживай, – обернулся к нему Сидор, – Будь здоров агроном, – и он, махнув рукой, пошел к вестибюлю метро.

– Старший, – поправил Петр. Стекло опустилось и машина, развернувшись с визгом, исчезла за поворотом.

Полупустой вагон метро, раскачиваясь, мчался в темноте тоннеля. Сидор присел на изношенный диван в дальнем конце у двери и сидел с закрытыми глазами, пытаясь обдумать сложившуюся ситуацию. В общем все складывалось как-то странно. Да, он всегда посещал митинги оппозиции. Испытывая при этом, даже какой-то душевный подъем. Но никогда не являлся, ни организатором, ни активным участником. Один раз он оказывался, случайно в толпе рядом с какими-то радикальными ребятами, пытавшимися перевернуть автобус и его не разбираясь, задерживали полицейские, и отвезли в отделение. Но быстро выпустили, оформив протокол об административном нарушении. Он не исключал, что попадал в объективы фотокамер, скрытых агентов, выдающих себя за журналистов и его фото, могло сохраниться в фотоархиве МГБ. Да, еще один раз его забирали полиция, когда на митинге кто-то попросил поддержать транспарант с какой-то вызывающей надписью и ушел. И тут же к нему подошел полицейский начальник и потребовал выбросить плакат. Сидор отказался и был силой препровожден в автозак. Про этот случай как раз ему сегодня напомнил следователь Соколов. И все. Никаких других прегрешений за Сидором не было. То, что он мог в компании по пьяни, что-то сказать против власти, был просто детский лепет, по сравнению, с тем, о чем писали про это открыто в социальных сетях. В общем Сидор ничего не понимал в случившемся с ним. Но не возвращаться же обратно и не требовать объяснений. Тем более он им уже подписал это дурацкое постановление на выдворение из страны. «Но с другой стороны и Довлатова так же выставили когда-то ни за что» – мелькнула в голове Сидора сразу понравившаяся мысль, и от этого ему стало даже как-то теплее на душе. «Хоть я быть может и не написал ничего, такого как он» – другая уже критическая мысль возникла следом, но тут же Сидор отогнал ее как провокационную.

«Нет, что-то за этим все равно стоит» – и Сидор стал вспоминать свою небогатую событиями биографию. Он родился в небольшом Подквасковном городке, где его отец работал на закрытом оборонном заводе инженером. И к моменту распада СССР дослужился до директора завода. А потом, когда все развалилось, и завод закрыли, не простил новой власти такого окончания своей карьеры, возглавил местное отделение компартии и даже был выбран депутатом в городской совет. Где до сих пор работал и продолжал препираться с районными властями из-за тарифов за свет, ремонта дорог и прочие бытовые проблемы городка. «Может из-за отца меня они решили?» – подумал Сидор. Но тут же отбросил эту мысль как бесперспективную. Отец оставался всегда законопослушным и даже перестал с ним общаться, когда узнал, что Сидор поддерживает либеральную оппозицию. «Не потерплю в своем доме американских агентов», – с такими словами отец захлопнул дверь перед носом Сидора, когда он в прошлом году приехал, поздравит его с днем рождения. С тех пор отец не отвечал даже на телефонные звонки. Матери не стало давно, когда еще Сидор уехал в Кваскву, учиться в институт на инженера, по профилю отцовского завода. Женился он еще в институте на квасквичке. Остался в Кваскве, работал в каком-то секретном НИИ, живя с женой у ее родителей скучно и однообразно. Потом наступили новые времена, с женой он развелся и был выставлен на улицу в зимнем пальто советского образца с каракулевым воротником и большим целлофановым пакетом IKEA. Освоил несколько новых, рыночных профессий, начинающихся со слова менеджер. Наконец-то пристроился работать в наружной рекламе, жил в съемной квартире на окраине, выезжая иногда в отпуск либо в Турцию, либо в Египет. Близких друзей не имел. И вот когда последние

несколько лет, новая власть в стране стала закручивать гайки, с энтузиазмом стал ходить на мероприятия, организуемые так называемой несистемной оппозиции. В его биографии трудно было найти, что-то похожее на похождения Довлатова. Да, пили одно время с друзьями-художниками. Еще в молодости он посещал закрытые поэтические вечеринки. Еще выпускал какие-то студенческие стенгазеты. Рисовал немного карикатуры для друзей. Раза-два их даже где-то напечатали. Короче кроме как пили где-то с друзьями сходство с Довлатовым и ограничивалось. Воспоминания о тех временах, как-то отвлекли его от реальных событий, он расслабился и тихо заснул под легкое покачивание вагона-метро.

– Выходите, приехали, – Сидор открыл глаза. Перед ним стояла бесформенная тетенька в красной шапочке, тыкая ему в грудь толстым указательным пальцем. – Поезд в депо идет, не положено здесь, выходите, – тетенька указала пальцем на дверь.

– А тыкать в человека пальцем положено? – раздраженно сказал Сидор, вставая и выходя из вагона.

– Хам, я полицию вызову, – донесся сзади беззлобный голос красной шапочки, но Сидор уже поднимался по эскалатору. «Что же делать, – подумал Сидор, выходя на улицу и останавливаясь у киоска с мороженым. – Сейчас три часа, – Сидор взглянул на часы над выходом, – Самолет улетает завтра утром, кажется в одиннадцать, так сказал следователь. Значит, у меня еще есть часов десять в запасе до регистрации. И что же делать?» – в очередной раз он вопрос, так и не зная точного ответа. «Надо будет позвонить отцу, попрощаться. Если он, конечно, станет разговаривать. На работу звонить наверно бессмысленно. Следователь же сказал, что меня уволили. Может Лизе позвонить? Да, пожалуй, ей стоит. Вот теперь она точно пожалеет, что ушла от меня, – злорадно подумал Сидор». Лиза, бывшая подружка Сидора с которой он расстался пару месяцев назад. Точнее сказать, Лиза ушла от него из-за того, что Сидор никак не мог подстроиться под ее потребительское отношение к жизни – шопинг, ночные клубы, какие-то гламурные тусовки. Ему нравилась Лиза как женщина и как человек, но ее интересы сильно напрягали Сидора, и он постоянно находил причину, чтобы увильнуть от очередного вечера с ее веселыми, но примитивными друзьями. И в последний раз, когда он отказался идти на свадьбу к Лизиной подруге, она ушла одна. Ночевать не вернулась, а потом позвонила под утро и весло сообщила: «Я нашла себе Вадика, и теперь буду жить у него. Прощай котик. Ты был большая зануда. Как же ты меня достал, – и бросила трубку. С тех пор они перестали общаться и даже не звонили друг другу ни разу. – Точно, позвоню ей, – и Сидор полез в карман за телефоном. – Стоп, мои же звонки наверняка, прослушивают Гэбешники. Нет, со своего телефона звонить нельзя, – и он засунул телефон обратно в карман.

– Угостить мороженым, начальник, – услышал он сзади хриловатый голос и обернулся. Сзади стоял знакомый бомж Василий, постоянно крутящийся возле метро и занимающийся здесь попрошайничеством.

– Привет Василий, – улыбнулся ему Сидор, обрадовавшись, возможности немного отвлечься от внутренней неопределенности. Он познакомился с Василием случайно в прошлом году, когда доставал из кармана мелочь, чтобы бросить ее в лежащую на асфальте ковбойскую шляпу Василия с широкими полями и вместе с мелочью из кармана выпала тысячная купюра. Сидор не заметил вылетевшей бумажки и зашагал домой. Но уже через минуту Василий догнал его и протянул обратно тысячу: «Ты, кажется, обронил парень». Потом Сидор угостил Василия пивком. И несколько раз приносил ему свою старую одежду. И даже пускал иногда Василия к себе, полежать и помыться в горячей ванне. Так между ними и завязались, что-то типа дружбы.

– Тебе, какое, фруктовое в стаканчике, за «семь копеек» как всегда? – спросил добродушный Василий.

– Как всегда, – согласился Сидор.

– Чего такой грустный? – спросил Василий, бросая в окошко киоска мелочь, – Два фруктовых, Зоя.

– Да, вот, кажется, уезжаю я, – неопределенно ответил Сидор.

– В отпуск, что ли собрался? – спросил Василий, протягивая Сидору стаканчик с мороженым.

– Нет, не в отпуск. Насовсем, – тяжело вздохнул Сидор.

– Без настроения что-то уезжать собрался. С бабой, что ли со своей разругались, – Василий начал сосредоточенно ковырять палочкой мороженное из стаканчика.

– О, кстати насчет бабы. У тебя есть мобильный Василий. Мне бы позвонить? – осенило Сидора, – Я заплачу.

– Звони, – протянул Василий, дорогую модель смартфона, – там льготный тариф, много не наговоришь.

– Спасибо друг, – Сидор схватил телефон и быстро набрал Лизин номер.

– Да, слушаю тебя незнакомец, – раздался ласковый и такой знакомый Лизин голос. Она почему-то всегда ко всем, даже не знакомым, обращалась на «ты». И такой способ общения, как-то подходил к ее невинному личику с красивыми, немного припухшими сексуальными губками.

– Это не незнакомец. Это я. Только не клади трубку пожалуйста. – быстро произнес Сидор.

– Что нужно тебе от меня зануда, – потеряв ласковость, ответил Лизин голос. Она почему-то считала, что «зануда» самое унижительное прозвище для мужчины.

– Лиза, я завтра уезжаю, хотел попрощаться, – ничего не придумав оригинального, сказал Сидор и через паузу, добавил, – Навсегда.

– Провожать не приду, не рассчитывай, – безразлично ответила Лиза. – А куда, уезжаешь? – все-таки женское любопытство пересилило создаваемый образ безразличной женщины.

– В Европу или Америку, я еще не определился до конца, – немного подумав, ответил Сидор. Наступила пауза.

– И, что ты там будешь делать? – Лизин голос напрягся.

– Жить, работать. Что еще? – не зная точного ответа, неопределенно ответил Сидор

– А почему ты мне раньше об этом ничего не говорил? – с нотками наступающей истерики простионала Лиза.

– Да я и сам не знал. Как-то так получилось все неожиданно.

– А ты не врешь, – с сомнением переспросила она.

– Нет. Вот у меня билет на самолет, – Сидор достал из кармана билет-книжечку, открыл. Квасква – Амстердам.

– А когда вылет? – с трудом выдохнула Лиза.

– Сейчас посмотрю. Завтра, в 11-00 из Бабадедово, – прочитал Сидор, – рейс 15214.

– Я приеду тебя провожать, – сначала в трубке раздалась всхлипывания Лизы, потом короткие гудки телефона. Она положила трубку.

– Вот иногда думаешь, что в полной заднице, а оказывается нет, не совсем еще, – озадаченно вслух произнес Сидор. И у него в душе вдруг потеплело от чего-то неясного, но обнадеживающего.

– И что, в кучи дерьма, вдруг мелькнуло семечко надежды? – все это время внимательно прислушиваясь к разговору Сидора, прокомментировал Василий.

– Типа, того. Только куча слишком большая, а семечко еле-еле видимое – ответил Сидор, улыбаясь, покачивая головой.

– Слушай, ты мороженное будешь, свое есть, а то растает? – закончил Василий, выливая себе в рот остатки из своего стаканчика.

– Нет, не хочу. Съешь за меня. – Он протянул свой стаканчик. – А можно я еще отцу позвоню? – вдруг осенило Сидора.

– Звони, – и Василий принялся за второй стаканчик. Сидор вспоминая, стал набирать мобильный отца.

– Депутат Сидоров слушает, – раздался в трубке строгий голос отца.

– Папа, это я. Я быстро. Я завтра уезжаю и неизвестно, когда еще мы сможем, увидится, – быстро выпалил Сидор, – звоню, вот попрощаться. – Я уезжаю за границу, у меня не было выбора. Точнее сказать, это был самый безболезненный для меня.

– Я понял. Не продолжай. Что-то еще? – спокойно спросил отец.

– Да. Не обижайся на меня. Все эти разногласия, не стоят того, чтобы люди переставали любить друг друга. Прости меня, – с облегчением выдохнул Сидор.

– Я рад, что ты это понял. И ты меня прости. Извини, у нас начинается совещание. Я вынужден отключить телефон.

– Ничего, теперь отключай, – криво улыбнулся Сидор.

– Ты, как устроишься там, напиши мне, я буду ждать.

– Обязательно напишу. Вот, кажется, отключился, – Сидор убрал руку с телефоном от уха и протянул его Василию.

– За границу значит, собрался? – забирая телефон и пряча в карман, спросил Василий. – И правильно. При всех за и против, и отбросив ненужную патетику, все-таки там немного лучше относятся к простому человеку. Немного, но лучше, – закончил Василий.

– А ты откуда знаешь, – удивился Сидор. – Был, что ли там?

– Знаю. Как-то в одной из прошлой жизни довелось и там пожить, – хитро усмехнулся бомж, – А ты, когда уезжаешь?

– Завтра, утром, – тоже чему-то, улыбаясь, ответил Сидор. – У тебя счастливый телефон. Позвонил с него и сразу померился и с отцом, и с подругой. Кстати сколько я тебе должен, Василий?

– Ни сколько. За счастье денег не берут.

– Послушай, ты ко мне вечером зайдешь, выберешь себе, что захочешь из одежды. Я все равно много с собой брать не буду, а тебе здесь пригодится.

– Зайду, – сказал Василий, выбрасывая пустой стаканчик в урну. Сидор, махнув рукой, и быстро пошел по аллее сторону своего дома.

– Там немного, но лучше, – задумчиво произнес Василий, глядя вслед вприпрыжку идущему Сидору и положив мелочь в окошко киоска, крикнул, – Еще одно фруктовое.

Аллея вела прямо к дому Сидора. Минут двадцать ходьбы не больше. В этом районе он прожил около пяти лет и как-то привык к нему. Стал считать своим. Здесь с Лизой, по этой аллее они катались летом на роликах. И придумали свой фирменный стиль. Первой ехала Лиза, наклонившись вперед туловищем и отставив назад свою превосходную попку в коротеньких шортиках. Потом сзади на скорости подлетал к ней Сидор и, упершись ладонями в ее упругие ягодички, со всей силы толкал Лизу, и та, расставив в стороны руки самолетиком, громко смеясь, с ускорением, катилась вперед под восторженный, завистливые или негодующие взгляды прогуливающейся публики. Посмотреть на эти их катания иногда специально выходил народ из близлежащих домов. Воспоминания о Лизе и то, что она обещала завтра прийти его провожать, вернули Сидора в хорошее настроение и он, сбавив шаг, шел и с удовольствием рассматривал знакомые пейзажи своего района. Аллея была засажена большими как на юге пирамидальными тополями. И не с обычной зеленой листвой, а какой-то двухцветной. Верхняя часть была темно-зеленой до коричневого, а снизу серо-серебристой. И когда начинался ветер они, листочки, начинали трепетать и казалось, что тополя переливаются каким-то серебристым, дребезжащим светом. Недалеко от детской площадки, на газоне как всегда лежал небольшой,

черный, лохматый, похожий на репейник пес. Он сюда приходил утром и вечером в определенное время и устраивался в этом месте, откуда просматривалась почти вся аллея. И как только где-то мелькал хвостик какой-нибудь собачки, черный подскакивал и мчался в направлении сородича. Подбежав, понюхав, извиняющее махнув хвостом и не вступая в контакт, опустив голову возвращался обратно, ложился на прежнее место печально прижимая голову к лапам. Такое ощущение, что он кого-то все время ждал, друга или подругу, а они все не приходили и не приходили. Сколько лет Сидор проходил утром и вечером вдоль аллеи до метро, столько и видел здесь этого замечательно пса непонятной породы. Сидор попробовал приносить ему что-то из еды, но пес ни разу даже глазом не повел в сторону угощения. Один раз, проходя по аллее Сидор, не обнаружил на привычном месте пса, а увидел его метров через сто лежащим неподвижно с откинутой головой. Сидор торопился на работу и не придавал этому особого значения. И только в метро до него дошло, – пес-то, наверное, умер. И вечером после работы Сидор, выпросив у дорожных рабочих лопату, помчался к месту, где он последний раз видел черного, чтобы похоронить его. Но никого там не обнаружил. Наверное, дворники в мусорку выбросили, – с сожалением, что так и не удалось по-человечески проститься, подумал Сидор. Прошла неделя, или две и Сидор, возвращаясь по аллее, домой с изумлением увидел, своего старого знакомого лежащего на том же месте и рассматривающего бегущего в стороне пуделя. Пес опять вернулся, откуда -то дежурить на свое место к неопишуемой радости Сидора. И они с тех пор начали здороваться друг с другом. «Привет старик. Как дела? – говорил ему негромко Сидор, проходя мимо, а пес, приподняв голову, в ответ беззлобно рычал, типа, – «Нормально. Проходи не мешай. Не видишь, я занят». Сидор очень привязался к этому независимому и живущему в постоянном ожидании кого-то псу, что, проходя сейчас мимо него, он остановился и подумал: «Как мне тебя там, в Европе будет не хватать дружище». Пес, приподнял голову и привычно, беззлобно прорычал привычное приветствие. «Что опять не пришла? Жаль. Ладно, не буду мешать. Жди дальше. Пока», – и Сидор, махнув «черному» рукой, пошел своей дорогой под удивленными взглядами двух старичков, сидящих на лавочке с газетами в руках. А Сидору вдруг подумал: «Если меня спросят, а что есть твоя Родина Сидор? Как она выглядит? И я, наверное, опишу в ответ вот эту аллею от метро, с серебристыми тополями вдоль пешеходного тротуара, навеянную моими воспоминаниями о Лизе, с этим черным псом, ждущим все время кого-то. Вот это и есть моя настоящая Родина. И еще, вон тон угол девятиэтажки, выглядывающей из-за деревьев, где я провел не самые худшие, несколько последних лет жизни на этой самой Родине».

Сидор подошел к подъезду своего дома и остановился, пропуская дворника-таджика, вывозящего бак с мусором на разбитой детской коляске.

– Привет, Сидор, чего так рано с работы. Не заболел? – приостановившись, добродушно улыбался ему таджик.

– Привет Нурик. Нет, все нормально, – ответил Сидор и подумал: «Хороший парень этот Нурик. Надо будет оставить ему свой велосипед.» Сидор купил недавно, это не дешевое современное вело-чудо, с дисковыми тормозами на обоих колесах и даже с амортизаторами на раме, – «Все равно с собой не заберешь». – Сидор видел, с каким восхищением Нурик смотрит на велосипед, когда по вечерам Сидор выезжал на нем на аллею. Они познакомились, уже давно, еще когда Сидор въехал в эту квартиру и по условиям договора с хозяйкой должен был сделать ремонт. Он тогда обратился за помощью к Нурику и тот привел ему двух своих братьев, работающих на стройке, которые быстро и недорого привели квартиру в нормальный вид. Иногда Сидор давал Нурику покататься на своем велосипеде и тот, возвращая его обратно, с восхищением всегда приговаривал: «Ай, какой жеребец. Настоящий арабский скакун».

– Послушай Нурик. Я завтра уезжаю, насовсем. Зайди вечером ко мне. Хочу подарить тебе свой велосипед, – как будто решив, что-то важное для себя сказал Сидор.

– Как подарить? – Нурик, отпустил коляску, и та медленно покатила по асфальту. Сидор успел подставить ногу под колесо: «На память обо мне. Держи коляску. Мусор рассыплешь».

– Ты, что умирать собрался? – Нурик перехватил коляску и поставил на тормоз. – Нет, я не могу принять такой дорогой подарок, – замотал головой Нурик.

– А я, к сожалению, не могу взять его с собой. И оставить никому другому, кроме тебя не хочу. Так, что вечером зайди, заberi. – Сидор подошел к двери и стал набирать код замка.

– Ты, что не вернешься больше сюда? – спросил озадаченный Нурик.

– Не знаю. Может быть, когда-нибудь, когда борода вот такая вырастет, – и Сидор провел по коленям ребром руки.

– Да. Такую бороду много, много лет надо растить, – серьезно произнес Нурик, прикидывая на себе длину бороды.

– До вечера, – и дверь подъезда шумно захлопнулась за Сидором.

Поднявшись к себе Сидор, почувствовал, что проголодался. Быстро открыл холодильник, достал распечатанный утром пакет сосисок и тут же, сырыми стал жадно есть, обливая их кетчупом из пакета. Он любил так есть, без лишней готовки, ощущая себя каким-то суровым мужиком, не то охотником, не то геологом в тайге. Открыв еще раз холодильник, и радостно разглядев пакет кефира в глубине, достал и стал пить маленькими глотками кисловатую кефирную жидкость. – Наверное, так, аборигены пьют кокосовый сок, – потрясся уже пустым пакетом, подумал Сидор и, насытившись, удовлетворенно развалился на кухонном диванчике. «Что же делать?», – в очередной раз попытался он вернуться к вечному вопросу. Но мозг оказался думать в сытом состоянии и Сидор, медленно сползая со спинки дивана, стал отключаться и быстро заснул.

События сегодняшнего дня не оставил Сидора даже во сне. Ему приснился сначала следователь Соколов, поливавший из чайника в своем кабинете странный стебель в горшке, который прямо на глазах стал расти и, упершись в потолок с грохотом его пробил и устремился куда-то вверх. «Видишь, мы все можем. Так, что не пытайся нас обмануть и сбежать». – Соколов вытер вспотевший лоб свои синим галстуком, отчего лоб стал тоже синим.

«Теперь тебе понятно, для чего мне синий галстук?» – спросил он строго. «Понятно», – утвердительно ответил Сидор и оказался вдруг возле дома, в котором жила Лиза, стоя на коленях и умоляя ее вернуться к нему. А Лиза сверху с балкона с хохотом поливала его из чайника какою-то синей жидкостью. Потом вдруг чайник выскочил из рук Лизы и полетел прямо в Сидора, но, не попав в него, упал рядом, разбился и из него выскочил старший агроном Петр, в солнцезащитных очках грозил пальцем, строго выговаривал: «Почему ты не улетел еще? Твое время жизни в этой стране уже закончилось».

– Я лечу, лечу. Уже лечу, – и Сидор плавно замахав руками, взмыл вверх и, правда, полетел в абсолютно белом, как туман небе. Через какое-то время туман рассеялся, и Сидор оказался стоящий уже на земле перед кабинкой паспортного контроля. Он протянул через окошко свой загранпаспорт, сидящий внутри милой девушке в сером форменном кителе. Та, взяла, полистала паспорт и, возвращая его, с улыбкой, сказала Сидору на русском языке, с небольшим акцентом: «Извините, в Европе свободных мест сейчас нет. Мы вас не можем принять».

– И, что же мне делать? – испуганно воскликнул Сидор, на каком-то неизвестном ему языке. А где-то сверху доносился перевод его слов на русский.

– Летите, дальше, – ответила девушка, переставая улыбаться.

– Куда дальше? – изумился Сидор.

– Сейчас посмотрю, где есть свободные места, – и она застучала, пальчиками по клавиатуре смотря в экран монитора. – Вот, есть одно место в Гренландии. Охотника на тюленей. И сразу двадцать мест в Африке, погонщиком слонов. Что выбираете?

- Я не знаю. Я же не охотник и не погонщик, – застонал Сидор.
- Все. В Гренландии место ушло. Осталась только Африка, – сказала девушка и отвернулась от Сидора.
- Я не хочу в Африку, – возмутился Сидор.
- Поздно, – Сидору на плечо опустилась сзади чья-то рука.
- Я не хочу, не хочу в Африку. Я хочу в Гренландию к тюленям – Сидор с силой схватил и стал оттаскивать с себя чужую руку, и открыл глаза. Над ним склонившись, стоял Нурик, положив свою руку на плечо, в которую вцепился обеими руками Сидор.
- Ты, чего? Жалко стало отдавать велосипед? – Нурик пытался освободить свою руку.
- Что? Какой велосипед? – Сидор распрямился и сел на диван, выпустив руку Нурика.
- Ты же сказал, зайди вечером за велосипедом. Я, в смысле ты, тебе, в смысле мне его подарю. Я зашел, там дверь входная открыта была. Подхожу к тебе, а ты как закричишь на меня. Так, что не подаришь велосипед?
- Подарю. Раз обещал. Зачем он мне в Африке... Тьфу, в смысле в Гренландии. В общем, иди, забирай, он там на балконе, – пробормотал Сидор, растирая ладонью лоб.
- Ага, – заулыбался Нурик и исчез.
- Интересно, который сейчас час? – Сидор оглядел уже наполненную полумраком кухню.
- Девять вечера, десятый, – появился Нурик, катя перед собой велосипед.
- Девять. Сколь же я проспал? – он протянул к стене руку и дернул за шнурок-выключатель настенного бра. Кухня немного осветилась.
- Так я пойду? – голова Нурика вытянулась на длинной, худой шее вперед.
- Угу, пока, – Сидор встал, подошел к раковине и пустив холодную воду стал брызгать ее себе на лицо. – Вот, теперь кажется, проснулся. Нурик? – он оглянулся, но в квартире уже никого не было.
- Пора, пожалуй, собираться. Если в одиннадцать вылет. В девять надо быть в аэропорту. Значит, выезжать надо в семь, – посчитал Сидор резерв времени, – Вызову такси на шесть, – и он достал мобильный. Посмотрел на него внимательно. – Нет, со своего не буду. Пришлют мне под видом таксиста гэбешного агента. Потом позвоню от соседей. – И убрав телефон в карман, прошел в комнату к платяному шкафу. Достал большую сумку на колесиках, побросал туда белье и мелочевку, новые походные ботинки. Покрутил в руках ласты с маской и тоже сунул их в сумку на всякий случай. Потом пошел в ванную, сгреб с полки у зеркала бритвенные принадлежности и зубные щетки, парфюм и засунул в боковой карман сумки. Постоял, подумал, вернулся опять к платяному шкафу: «А ведь неизвестно куда попаду. Не зря мне эта Гренландия приснилась», – подумал Сидор и снял с плечиков свое старое советское пальто с каракулевым воротником. Ему его купили, когда он поступил в институт. Оно было на два размера больше, и Сидор его толком не носил, но почему-то не выбрасывал. Он надел пальто, закрыл створку шкафа и посмотрел на себя в зеркало. Пальто сейчас было в самый раз. Выглядел он конечно в нем как чиновник из прошлого века, – «Но зато теплое. И кто там, в Гренландии будет на это особо смотреть», – усмехнулся Сидор и, свернув пальто, запихнул его в сумку, с трудом застегивая молнию. «Все, больше ничего не возьму. Итак, осталось проверить документу, деньги». – Сидор достал бумажник. Российских денег было немного, как раз на такси и на всякий случай. Все остальные, небольшие сбережения хранились на банковской карте. «Вот и все, что я накопил, почти за сорок лет жизни», – безразлично подумал Сидор и в это время в прихожей раздался звонок. Сидор пошел открывать дверь. На пороге стоял бомж Василий, в своей низменной ковбойской шляпе попыхивая сигареткой.
- Это здесь раздает одежду бездомным гражданам Квасквы? – и он сплюнул сигаретку на лестничную площадку.
- Здесь, здесь проходите, господин шериф, – Сидор повел рукой в стороны комнаты. – Там, смотри Вася в шкафу. Забирай все, что есть.

Василий, не разуваясь, прошел в комнату, осмотрел содержимое шкафа. «Не богато», – произнес он скептически. Потом достал пододеяльник и все, что было в шкафу, не разбираясь, набил в него. Повернулся к Сидору: «Что-то еще предложите?»

– Да, нет вроде. Мебель и посуда хозяйская, – развел руками Сидор.

– А коврик этот на полу можно? – указал пальцем, на небольшой ковер, лежавший на полу.

– Точно. Забирай. Мне же его сослуживцы подарила на тридцатипятилетие. Это мой, – радостно воскликнул Сидор. Василий, отставив узел с вещами в сторону, принялся сворачивать ковер. Сидор вышел на балкон. В углу, замотанные рваными Лизиными колготками стояли две пары лыж. Сидор взял их, подумал и вернулся в комнату.

– Василий, лыжи вот возьмешь. Пластиковые. Правда, без ботинок, – он, протянув вперед сверток.

– Лыжи? – Василий задумался. Дайка посмотрю. – Он взял сверток покрутил в руках увидев надпись, спросил, – Иностранные что ли?

– Польские, – вспомнил Сидор.

– У-у-у. Если польские тогда возьму. – Василий сунул лыжи под мышку. – Ты, когда уезжаешь-то?

– Да вот думаю. В аэропорту надо быть крайний срок в девять. Сейчас почти полночь. Уснуть не усну. А что мне здесь делать? Вызову ка я такси, прокачусь напоследок по городу, а потом в аэропорт, там, среди людей, не так грустно будет, – обрадовавшись хорошей мысли, произнес Сидор. – Послушай Вась, дай с твоего телефона позвоню в такси.

– Не, проблема. Звони. – Василий протянул аппарат. Сидор, нашел в вазе стояще на столе визитку заказа такси, набрал номер: «Але. Здравствуйте. Мне такси в Бабадедово через час. Тополиная аллея дом 9. Сидор меня зовут. Нет не по этому номеру. Я внизу у подъезда буду ждать. У второго. Спасибо», – и он протянул телефон Василию, – Спасибо.

– Помоги мне ковер на плечо забросить, – сказал Василий и немного пригнулся. Сидор с трудом уложил ему ковер на плечо.

– А как же я лыжи возьму, – закрутил головой Василий, пригибаясь под весом ковра и держа в другой руке узел с вещами.

– Я вынесу и у подъезда в кусты положу, потом вернешься за ними, – предложил Сидор.

– Хорошая идея, – прохрипел под грузом вещей Василий. – Ой, совсем забыл, там у меня в кармане пачка сигарет для тебя, достань-ка. В правом.

– Я не курю, не надо, – махнул рукой Сидор.

– Да, нет. Там телефончик для тебя записан. Отец потом твой мне позвонил, просил передать тебе. У него мой номер высветился. Доставай. – Сидор, вытащил из кармана смятую пачку и прочитал вслух: «Франция. Париж»

– Нет, с другой стороны. Чего там читай? – прохрипел Василий. – «Ирландия. Дублин», прочитал, с трудом разбирая почерк Сидор.

– Вот. Это оно. Это телефон ихнего главного в компартии. Твой пахан его знает, оказывается. Сказал если, будешь там, обратись. Он поможет. – с трудом пригибаясь под тяжестью ковра выдал Василий.

– А про Париж, это что? – перевернул пачку Сидор.

– Это уже моего дружка телефон. Он клошар, бомж по-нашему. Под мостом там живет, в Париже. От меня привет передашь, он тоже поможет. Телефон там записан. Ладно, пошел я. Уж больно ковер твой тяжелый, – и передвигая ноги, не отрывая их от пола Василий выполз в коридор.

– Подожди, я лифт вызову. – Сидор прошел на площадку и нажал кнопку лифта. Двери открылись, и Василий с вещами втиснулся в небольшую кабинку.

– Прощай, друг. Про лыжи не забудь, – почти задохнулся Василий.

– Прощай, – Сидор нажал кнопку, и двери закрылись.

– Ну, отец дает. Не ожидал, – улыбаясь, подумал Сидор. – Да и Василий тоже молодец. Откуда он клошара этого знает?

Сидор вернулся в комнату. Постоял, огляделся: «Нет, не могу я, здесь больше находится». Он взял стул поставил посередине, присел. Закрыв глаза, перебрал в памяти, ничего ли он не забыл. Встал, еще раз осмотрелся. Увидел на трельяже лежащую книжку. Подошел, взял. Это был Евгений Онегин. Лиза как-то купила ее, собираясь выучить отсюда некоторые отрывки. Но как всегда, быстро охладела к очередной своей завиральной идее, а книжка так и осталась лежать на том же самом месте. Сидор повертел книжку и засунул в карман сумки. Потом взял сверток с лыжами и, набросив на плечо ремень сумки, прошел в прихожую. Положил ключи от квартиры, на тумбочку перед входом, выключил свет и вышел, с силой захлопнув за собой входную дверь.

На улице уже стемнело. Хотя был конец сентября, но весь месяц погоды стояли теплые, и поэтому все было вокруг зелено по-летнему. Сидор бросил сверток с лыжами в кусты у подъезда, поставил на лавку сумку, освещенную светом уличного фонаря затерявшегося где-то вверху среди листвы, и сел рядом. – «Как будем прощаться с Квасквой?» – задумался он, разглядывая тени деревьев на асфальте. – «А не съездить ли мне в Вельфортово» – сразу, пришло ему в голову. Жизнь Сидора как-то всегда пересекалась с этим достаточно старым районом Квасквы, расположенным вдоль речки Язузы, основанным еще переехавшими в Россию в 17-м веке немцами. Вдоль одного, высокого берега реки тянулись парки вперемешку с жилыми постройками, а с другой – институты, конструкторские бюро и разные научные лаборатории. Именно в этом районе Сидор впервые ребенком оказался в Кваскве, когда его отец поступил в аспирантуру, и семья стала снимать комнатку в старом, деревянном двухэтажном домике, с малюсеньким огородиком под окнами, где хозяин дома, старик в телогрейке, выращивал земляные орехи – арахис. Сидор стал ходить там, в детский сад, недалеко от кинотеатра Спутник. Потом они переселились в отдельную квартиру, выделенную отцу от института, аж на восьмой этаж, в новом, невероятно высоком по тем временам двенадцатиэтажном доме. Здесь Сидор пошел в первый класс. Но в третьем, отец закончил учебу, и они вернулись в Подквасковье на завод. В этом районе Сидор опять оказался, поступив в институт и получив место в студенческом общежитии, расположенном в парке на левом берегу Язузы. И уже после окончания, его направили на работу в оборонный институт, расположенный на противоположном берегу. Потом, уже в свободные времена, часто меняя работу и профессию, Сидор несколько раз оказывался, в этом районе. – «Других вариантов нет. Прощаться будем в Вельфортово, – решил Сидор, – Надо будет по дороге купить вина что ли?» – тут он немного призадумался. Он первый раз в своей жизни прощался с городом и не знал никаких традиций на эту тему.

– Такси вы заказывали? – раздался веселый голос у дороги. Сидор, погрузившись в воспоминания, даже не услышал почти бесшумно подъехавшую желтую машину.

– Я? В аэропорт. Правильно? – подскочил он, хватая сумку.

– Нам все равно куда. Куда скажите, – из машины вышел молодой парень в легкой куртке и пошел открывать багажник. – Во сколько вылет? – деловито уточнил он.

– В одиннадцать утра, – ответил Сидор, заталкивая сумку в машину.

– Не рано ли выезжаешь? – вопросительно посмотрел на него таксист.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.